

По сценариям киносценариста Надежды КОЖУШАНОЙ сняты фильмы «Нам не дано предугадать», «Зеркало для героя», «Муж и дочь Тамары Александровны», «Нога». Ее работа «Женщина номер два», фрагменты из которой мы предлагаем вашему вниманию, будет опубликована полностью в пятом выпуске альманаха «Киносценарий» за этот год.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Майя Абдурахмановна готовилась к выходу. Готовилась долго, столько, сколько потребовалось отдыхающим для того, чтобы приехать, обследовать микроклимат, удивиться ему, пообедать и ждать ее, чуда, хозяйку.

Синяк под глазом был уже не синий — желтый. Майя Абдурахмановна замазала его гримом, старательно стала раскрашивать веки, губы, щеки, подбавляя к гриму заодно и выражение лица. Не оборачиваясь, нажала кнопку магнитофона.

«Тема смотра-семинара, — сказал магнитофон ее голосом, — привлечение внимания отдыхающих при открытии Дня знакомства. И следом сразу голоса юмористов: Шифрин, Жванецкий, Новикова, собранные на ленту для тщательного изучения современного юмора.

Все было как всегда.

Да, сразу, чтобы не забыть: деревья в доме отдыха «Мечта» были не все зеленые. Там были деревья с красными и синими листьями, а трава и часть кустов — нежно-белого цвета, мягкие, как мох, невиданные.

До «Мечты» оставалось еще около получаса, и за окнами стояла мерзкая поздняя осень, с градом, с ветром.

Феликс Николаевич, не очень молодой и не очень красивый мужчина, завязал скандал в вагоне-ресторане и никак не мог выпутаться из него. Что кричали ему, слышно не было, но отвечал он бешено и бестолково, как всякий нормальный человек; не мог сдаться и уйти, знал, что смешон, и от этого кричал еще бестолковее:

— А потому что мне вас всех не прокормить. Правильно, рубль! Ей рубль, ему рубль! Да я тебе миллион дам! Потому что вас всех расстрелять! Очень много вас!!!

— Баба, — слышалось из вагона-ресторана.

— А я напишу сейчас — и тебе конец! — опять вернулся и опять взорвался на «бабу» Феликс Николаевич. — Не волнуйся! Вот прямо сейчас и напишу! Наконец его отпустили, и он побежал к себе в купе, не видя, как меняется за окном погода.

Он нашел свое купе, вбежал и сел за стол «прямо сейчас писать».

— Товарищ пишущий, — сказали ему сзади, — пора раздеваться.

Он оглянулся и оторопел: его соседка по купе, женщина лет сорока пяти с половиной, у которой не было трех передних зубов, но в глазах мелькало что-то лукавое и дьявольское, стояла перед ним в платье тончайшего шелка без бретелек, в слишком крупных драгоценностях, с распущенными волосами. Феликс Николаевич прибрал на колени пальто и не понимал. Оглянулся на окно: в природе — оттаяло, облака разрежились, солнце засияло на небе, да, начиналось лето!

— Приехали, Феликс Николаевич, — улыбалась женщина.

Поезд, облитый солнечным теплом и светом, стоял у станции. Те, кто ехал в «Мечту», вышли из вагонов и растерянно и радостно улыбались, оглядываясь по сторонам. Женщина без зубов. Феликс Николаевич. Очень пожилая мама с очень красивой девочкой. Грузин в очках. И еще двое мужчин, едва живые от бурно проведенной дороги: один с лицом убийцы, другой чуть посимпатичнее.

Поезд пошел.

— Здравствуйте, товарищи отдыхающие! — сказал репродуктор. — А мы вас ждем. Очень рады вашему прибытию! — И вслед за приветствием из репродуктора понесся джаз.

— Коля, — улыбнулась женщина без зубов.

Грузин в очках вгляделся в нее, догнал:

— Простите, ваше имя Мессалина?

Она ахнула, они обнялись, как друзья, пошли вместе, весело и участливо переговариваясь. Пожилая мама ухмыльнулась на голые плечи Мессалины и, согнув локоть крепче, прижала дочь к себе.

— Как тепло! — удивилась девочка.

— А какие необычные деревья! — подхватила мама. — Это — бук.

— Ну, ребята, рай, — мужики снимали пальто.

— Микроклимат!

— Как интересно!

У входа в дом отдыха стояла тетя Маруся, маленькая, уютная, в белом халате, в каких обычно ходит обслуживающий персонал.

— Тетя Маруся!

Женщина без зубов, грузин в очках и тетя Маруся обнялись.

— Вы же уехали! — удивился грузин. — Опять?

Тетя Маруся взяла у него вещи, пошла к домикам:

— Да я уж отсидела год! — и засмеялась: — За хулиганство. Я как на сто метров отъеду, так и мстю.

— Милая, — сказал грузин.

— А вы-то как?

— Давид «на коне», — сказала Мессалина.

— Вы что?! — тетя Маруся страшно обрадовалась. — Ой сейчас покушаем!

— О-ей, — грузин засмеялся тоже и приобнял тетю Марусю за плечи.

Над футбольным полем покружил и сел на него вертолет. Высадил остальных отдыхающих, тоже в теплых пальто и шапках. Прилетевшие высаживались, оглядывались, изумлялись. Снимали пальто и не верили:

— Ну надо же!

— А я не верил, вот честное слово!

— Это какой-то рай!

— Вот это микроклимат!

А на вертолетчика смотрели с изумлением, так же, как на зеленые: такой он был настоящий и красивый. Хихикали. Девочка — одна из всех, точно как ее мама на Мессалину, — презрительно смотрела на тех, кто изумлялся вертолетчику.

И верблюд был прекрасен. Приезжие стояли около, восхищались.

— А как его зовут? — спросила девочка.

— Пока никак, — сказал Коля диск-жокей. Мессалина посмотрела на него с усмешкой.

— Давайте назовем как-нибудь? — предложил кто-то.

— Давайте! Например, Дружок! Или лучше Рыцарь! — опять смех. — Люкс! Аванс! Кооператив!

— Давайте Милорд! — предложила девочка.

— Давайте!

— Милорд? — удивилась мама. — Какая хорошая кличка! — Она вообще редко отходила от дочери, хвалила ее и радовалась чему-нибудь. Обсуждала и спорила то учительским, то подружечным тоном.

К могилке тоже подошли. Мессалина положила цветы. По датам на памятнике было ясно, что ему было двадцать, когда он умер.

— А почему он умер? — спросила девочка.

— Он любил, — ответил Коля диск-жокей.

Надежда КОЖУШАНАЯ

ЖЕНЩИНА НОМЕР ДВА

(ПРИМИТИВНАЯ ИСТОРИЯ)

И девочка внимательно посмотрела на Колю: она еще выбирала, в кого она влюбится.

Обед был роскошен: восемь блюд, и ни одного среди них знакомого. На сладкое — ананасы, бананы, кокосы.

— Это что, нас каждый день будут так кормить? — спросил кто-то.

— А увидите, — ответила тетя Маруся, радуясь, что они еще не знают и увидят.

— А как нас будут развлекать? — спросил еще кто-то.

— Сами себя будете развлекать, — ответила другая тетя в халате. — Еще и нас развлечете.

Наконец застучали ложками, замолчали. И первое же превращение удивило и не понравилось.

Грузин в очках, едва притронувшись к еде, запел вдруг во все горло, отбивая ритм костяшками пальцев. Если бы был женщиной, он плакал бы, так истерично звучала его песня. В полный голос, в ор, как бывает с усталости.

За столами — смотрели.

— Дайте ему что-нибудь, — сказала девочка мама. — Валерьянки.

— Пусть! — махнула рукой тетя Маруся. — Вы кушайте.

— Это от усталости, — пояснила Мессалина, одна не обращавшая внимания на грузина и спокойно евшая суп.

И все дослушали, как поет грузин.

— А правда, что здесь можно сойти с ума? — спросила одна из прилетевших на вертолете.

— Ну прямо! — обиделась тетя Маруся. — Наоборот.

Потом она вела грузина к шалашу, отгороженному в лесу деревянным заборчиком. На поводке — сторожевая собака, в руках — корзинка с едой и бельем. Скатерка постелена. Стопочка налита. Грузин поднял голову, вздохнул, как ребенок после плача, выпил. Закусил, чмокая, огурчиком. Зевнул.

Тетя Маруся положила в шалаш сена, на сено — чистое белье.

— Некрасивый заезд, — сказал ей грузин.

— Спи! — засмеялась тетя Маруся.

Он залез в шалаш. Понюхал сено, посмотрел вверх, сквозь дырочки, в небо. Лес. Ветер. Тихо.

— На лед будить? — спросила тетя Маруся, призывая собаку к деревянному заборчику.

— Я же не умирать приехал. Дома дел — начать и кончить, — глубоко вдохнул еще раз запах сена и уснул сразу, как умер.

Тетя Маруся запела было колыбельную, но пропеть успела только одну строчку. Увидела, что он спит, улыбнулась и ушла.

Майя Абдурахмановна наконец готова. Она прекрасна. Волосы уложены, в лице подчеркнуто красивой то, что может оказаться не таким, как у всех. Она шла по лесу от своего домика к залу развлечений и услышала из зала Черни. Усмехнулась: как всегда.

Черни играла на пианино девочка. Ее с удовольствием выслушали, похлопали, но все равно ждали чего-то главного. Смотрели на Колю, который возился с аппаратурой, улыбался, молча обещая впереди страшно много интересного.

Майя Абдурахмановна вошла в зал со сцены, кивнула Коле, надела маску — и Коля включил свет.

Отдыхающие не поняли, заговорили, но Коля отбил ритм палками — и вокруг отдыхающих вдруг зашумело сразу несколько Май Абдурахманов! Сложная система зеркал, разработанная ею к смотру, представляла собой невиданное зрелище: где была настоящая Майя Абдурахмановна, было совершенно непонятно.

— Тере! Лабас! Хелло! Салют! Здоровеньки булы! Гамарджоба! Добрый вечер! Лаба денал! Как дела, друзья? — выдала Майя Абдурахмановна.

Коля отбивал каждое приветствие, отдыхающие крутили головами в разные стороны, ахали, не понимали: как это?! И наконец разразились аплодисментами.

— Интересно?! — спросила Майя Абдурахмановна и исчезла.

— Вас приветствуют! — объявил Коля и отбил паузу.

Майя Абдурахмановна появилась опять — другая.

— Лауреат четырех конкурсов массовиков-затейников!

Аплодисменты.

— Майя Абдурахмановна!

Аплодисменты.

Майя Абдурахмановна сбросила маску, поклонилась и искоса посмотрела на Колю.

А он не сдержался и выдал, как обычно:

— По прозвищу «Женщина номер два»!

Отдыхающие удивленно возмутились, а Майя Аб-

дурахмановна, чтобы скрыть раздражение, исчезла из зеркал и ответила Коле голосом артиста Леонова:

— Пасть порву!

Все опять обрадовались, и Коля опять отбил ритм. Он был очень искусен и в ритме, и в управлении аппаратурой, не скрывал своего искусства и показывал его: делал музыку то громче, то тише, прибавлял то басов, то высоких. И девочка наконец засмотрелась на него.

А полутьма? А цветной свет?

Зажегся другой свет, в центре зала, конусом. В нем опять стояла Майя Абдурахмановна, теперь уже одна, и все увидели ее такой, какой она была сегодня.

— Однажды я решила проверить: дура я или нет, — сказала она голосом артистки Новиковой.

Началось обычное представление, Коля сложил палки и исчез со сцены: он терпеть не мог ее представлений. Выждал полторы минуты, любясь на закат: в микроклимате перед закатом в воздухе происходило какое-то волнение, и поэтому казалось, что заходило сразу два солнца. Вернулся за пульт.

Обстановка в зале изменилась: кто-то из отдыхающих попросил слова, и Майя Абдурахмановна вывела его в конус света, где он рассказал:

— Родился я в тысяча девятьсот сорок девятом году. Семья у нас обыкновенная: мать работала сначала на заводе, потом перешла в техникум преподавать. Теперь на пенсии. Отец — инженер. У сестры двое детей. У меня сын... И ему самому стало вдруг так тоскливо! Он помолчал секунду и крикнул: — И вот сейчас я вдруг подумал: а за что?!

— Тш-ш-ш, — Майя Абдурахмановна обняла его за плечи и отвела на место. — Да, мы должны думать о судьбе, но мы должны находить в ней или светлое, или смешное. Тогда нам самим будет легче. Ведь мы такие разные. Мы очень сложные. Смотрите. — Она опять появилась в зеркалах и покрутилась перед отдыхающими. — Ну, кто здесь я?

Отдыхающие стали угадывать. Тот, кто уже рассказывал о себе, стоял у стенки и бился о нее лбом. Не больно. Тот, кто стоял с ним рядом, поднял руку и попросился рассказать тоже.

— Только самое важное! — предупредила Майя Абдурахмановна. — Или смешное. Или исключительное.

Человек задумался и напрягся так, что его стало жалко.

Майя Абдурахмановна сделала знак Коле, и он объявил музыкальную паузу.

Трое отдыхающих начали громко подпевать музыке, и их вежливо вывели на улицу, посадили на две скамейки друг против друга:

— Поют у нас здесь.

Танцы поехали, изредка прерываемые Майей Абдурахмановной: она была тактична, остроумна, пар-

дировала в основном пародистов и произвела наконец самое приятное впечатление.

Вертолетчик Вовчик, красивый, как микроклимат, танцевал с Мессалиной и только с ней разговаривал. Поговорить он любил, но зря: он заикался и знал мало слов, поэтому при разговоре вытягивал губы вперед, пучил глаза и брызгал слюной, что могли терпеть только хорошо знакомые ему люди, те, для которых он уже не был загадкой.

— Молодец. Только больше никому не рассказывай, — спокойно, как всегда, попросила Мессалина. — Хорошо?

Вовчик вытянул губы, чтобы ответить, но она ушла на воздух.

Потом Вовчик улетал, а тетя Маруся провожала его. Он пожал плечами, сморщился:

— Н-н-н-некрасивый з-з-заезд.

— Ничо, — сказала тетя Маруся. — Может, кто опаздывает.

Вовчик сел на вертолет, и вертолет, покружившись над полем, улетел в ночь.

А потом, на воздухе, крутили «кино», которое здесь тоже было особенным: кусочки краденых ро-

последнее время. Стоит чему-то родиться — тут же пародия. Уже и в жизни ничего не происходит существенного. А по-моему, грустно жить в эпоху пародий. И интерпретаций. И комментариев, кстати... А вы любого можете спародировать?

Он провожал ее до дому, с удовольствием разглядывал лес и небо:

— А вы прямо здесь живете? Прямо в микроклимате? А вы кто по образованию?

— Цирковой акробат.

— Правда? — обрадовался. — Действительно, сплошные чудеса. А почему не в цирке? По возрасту? Ой, извините.

— Съели, — ответила Майя Абдурахмановна.

Он спохватился, потому что лицо ее стало искренне обиженным. Он подумал:

— А программу вам присылают или сами сочиняете?

— То, что буду катать у вас, — мое. А через две недели все брошу и уеду на конкурс.

на землю реквизит, отошла на шаг, напряглась и сделала кувырок с места назад с жутким криком «а-а-а».

Феликс Николаевич ахнул, открыл глаза, рот и сдержал дыхание. Она взяла вещи с земли и ушла, посмеиваясь. Вошла в дом, поставила реквизит на пол, расплела косу и, встряхнув волосами, посмотрела в зеркало, потом случайно — в окно и сразу нагнулась ниже и вгляделась. Феликс Николаевич стоял там же, где она его оставила, и смеялся беззвучно. Набирал воздуха, разгибался — и опять закатывался в хохот, красный и дурашливый. Она удивилась и не сдержала снисходительного смеха. Потом рассмеялась довольно: он был очень трогателен.

Грузин в лесу храпел на весь микроклимат.

А девочка, дождавшись, когда мама уснула, выскочила из окна корпуса и побежала к клубу, где жил Коля.

Коля знал, что она придет, поэтому стоял одетый и не курил. Она осторожно постучалась — и сама, сразу настежь распахнула дверь. Он стоял перед ней, и надо было бы «принять ее в объятия», потому что она задыхалась от любви и волнения. Но он не дал ей сказать, сказал сам. Строго, как говорят раз и навсегда, на будущее:

— Спасибо, милая. Я ждал. Но у нас никогда ничего не будет. Ты уйдешь. Первый день здесь всегда мой, я знаю. Благодарю тебя, — и, нежно поцеловав руку, заставил ее уйти. И крепко закрыл дверь на замок.

А девочка сидела потом у верблюда и плакала: — Я же ничего не хотела! Я хотела сказать, что я никогда не встречала! Я же ничего не просила! — И рассказывала, как плакала, обижалась, и мучилась тем, что от нее так сладко и так навсегда отказались.

Коля — негромко — пустил по репродукторам музыку. Верблюд, оказывается, качал головой в такт музыке. Девочке стало смешно, и она перестала плакать.

А тетя Маруся сидела у могилки на берегу и разговаривала с датами на памятнике:

— Все, сынок, по-старому. Сегодня заезд. Мессалинка опять приехала. Зубы никак не вставит. Давид Шалвович начальник стал. Спит. Верблюда назвали Милордом, как еще при тебе. Футболистов будет человека три, наверное. Красивых нету. И Вовчик улетел. А может, кто опаздывает. Коля говорит: в этот раз обязательно кто-то умрет. Он всегда чувствует. А я никогда не понимаю. Живем. Хлеб жуем.

День кончился.

ДЕНЬ ВТОРОЙ, ДЛИННЫЙ

Опять остановился поезд у станции.

— Стоянка десять минут, — объявила проводница. На этот раз из поезда вышел только один человек, вернее, одна: женщина лет двадцати восьми, привлекательная и даже красивая, не будь она такой уставшей и измученной. Она перешла мост, так же, как вчерашние отдыхающие, оглядываясь удивленно на деревья и солнце. Дошла до футбольного поля, взмокла и сняла пальто. Постояла немножко, посмотрела на двух женщин и мужчину, которые делали разминку на поле.

— Здравствуйте, — сказала в окошечко регистрации. Долго искала и нашла путевку.

— Опоздала? — спросила тетя Маруся. — Как зовут?

— Женя Морозова, — Женя улыбнулась.

Из радиорубки выглянул и внимательно смотрел на Женю Коля. Лицо его менялось: он смотрел и видел.

— Можно, я в город позвоню? — попросила Женя. — Я заплачу.

— В городе живешь и ни разу у нас не была? — тетя Маруся вытащила ей в окошко аппарат.

— Но очень много слышала. — Женя опять улыбнулась дежурно. Набрала номер, добавила, пока номер соединяли. — Я шесть лет вообще нигде не была.

Коля исчез в рубке и включил джаз.

— Алло? — заговорила в трубку Женя. — Мама? Ну все, я приехала. Вот только что. Ну как вы? Как Олечка? Маленькая... А Наташа? Она сходила? А как: туго или нормально? Ну слава Богу. Мама, может, вы ко мне приедете? Всего полтора часа. А вечером сразу обратно. Погода чудная. Или вертолетом Сашу? Давай. Саша? Ну все, я приехала. Да, сразу завела. Да, сейчас сразу и начнем, как обычно. Да, вот я стою, а меня уже... Помолчала, послушала, крикнула в трубку: — Ну хватит! Я еще только в дверь вошла! Еще не вошла! Дай мне отдохнуть хоть двадцать четыре дня! Уже двадцать три! — бросила трубку, злая и опять некрасивая.

— Муж? — спросила тетя Маруся.

Женя махнула рукой и сморщилась.

ликов, без звука, на Колин вкус, под которые Коля обычно подкладывал что-нибудь из любимой музыки.

— У нас в школе по субботам тоже дискотека, — сказала девочка.

— Не дискотека, а насмешка, — вставила мама.

— Ну мама! — покраснела девочка, обиженная тем, что ее перебили, как маленькую.

— А я уважаю самостоятельность, — сказал Коля. — Самостоятельность пробует и борется. И очень часто приносит плоды.

Майя Абдурахмановна собирала реквизит вечера.

— Вы гигант, — сказали сзади.

Она обернулась: перед ней стоял Феликс Николаевич и смотрел уважительно.

— На меня в прошлом году, в юбилей, гоже сделали пародию на музыку из «Иисуса Христа», но вы просто профессионал. А зеркала кто придумал?

Майя Абдурахмановна скромно пожала плечами.

— Здорово, — Феликс Николаевич взялся помочь, перевязал лисы бумажной веревочкой, сложил сумку. — Хотя работа, конечно, собачья, наверное. Но в принципе я просто преклоняюсь перед профессионалами. Если серьезно, слишком много пародий появилось в

— Значит, нам повезло. И не повезло. Они остановились у небольшого домика в зелени.

— Спасибо, — Майя Абдурахмановна забрала реквизит.

— Вам спасибо, — Феликс Николаевич поклонился. — Будем ждать чудес. У меня друг в Вильнюсе, говорит: Феликс, жди чудес! А я говорю: нам с тобой остался один МОП. МОП — младший обслуживающий персонал. Извините. А почему женщина номер два?

— Видимо, во мне чего-то не хватает, — Майя Абдурахмановна стало неприятно.

— В вас? — Феликс Николаевич оглядел ее еще раз и еще раз остался доволен. — По-моему, как раз номер один и даже с плюсом! А вообще женщина, которая умеет смешить, — это уникальная редкость. Я по себе: если меня рассмешат — я все прощаю. Но женщинам обычно это не дано.

Майя Абдурахмановна улыбнулась тоже. Поставила